

С. В. Полякова

АХИЛЛ ТАТИЙ У СИМЕОНА МЕТАФРАСТА

История подшутила над Ахиллом Татием — он, самый легкомысленный из греческих *erotici scriptores*, слыл в Византии христианским епископом¹, а его роман «Левкиппа и Клитонфонт» неоднократно использовался для наставительных и даже благочестивых целей². Уже собранные свидетельства, отражающие странную судьбу этой книги, можно пополнить еще одним — реминисценциями из нее в «Житии Ксенофонта и Марии», составленном Симеоном Метафрастом³.

Начать с того, что содержание этого жития повторяет сюжетную схему греческого романа с неперменной разлукой, поисками и воссоединением любовной пары, супружеской четы, а иногда и семьи, т. е. родителей с детьми⁴. Два брата, Аркадий и Иоанн, отправляются из Константинополя в Бейрут изучать право, но вскоре принуждены возвратиться домой, так как получают известие о болезни отца. Однако ему становится лучше, и братья снова уезжают. На этот раз плавание заканчивается неудачно: налетает буря, юноши терпят кораблекрушение и теряют друг друга, но оба спасаются и становятся монахами. По прошествии двух лет отец посылает на розыски сыновей и получает известие, будто они погибли. Видение, однако, открывает Ксенофонту и Марии (так звали родителей), что их сыновья живы и находятся в Иерусалиме. Тогда родители отправляются в Иерусалим, где сначала Аркадий и Иоанн узнают друг друга, а несколько позднее покровительствующий им *hieros anep* устраивает встречу с отцом и матерью.

Повествование с подобным сюжетом не стоит в агиографической литературе особняком. Уже Роде отметил раннехристианские Климентины, в которых рассказывается об отъезде из дому, морской буре, разлучившей главных героев, их злоключениях, узнавании и обретении друг друга⁵. Сюда же относится мученичество Евстафия, известное нам также и в метафрастовой обработке⁶. Герой покидает вместе с женой и детьми родину и отправляется в Египет. По пути на него обрушиваются всевозможные несчастья: владелец корабля отнимает его жену, а сыновей уносят дикие

звери. Но обстоятельства неожиданно складываются благоприятно, и вся семья после традиционного узнавания воссоединяется.

Зависимость труда Симеона Метафраста от романа Ахилла Татия проявляется, однако, не в сюжетном к нему примыкании, хотя «Житие Ксенофонта и Марии» в обоих дошедших до нас редакциях (дометафрастовой⁷ и метафрастовой) стоит ближе прочих к «Левкиппе и Клитопону», с которым его роднит ряд ситуаций, не встречающихся в других греческих романах.

Влияние Ахилла Татия выдает, прежде всего, пассаж, где необычайное пожелание героев повторено в сходных выражениях и в одинаковом контексте: там и здесь терпящие кораблекрушение умоляют божество, чтобы их погубила одна волна и чрево одной морской твари стало их общей могилой.

Vit. Xenoph. et Mariae
col. 1024:

«Hen amphoterous kyma kalypsato, hen therion thalattes taphos amphoteron genestho».

Ach. Tat. III,5,4, ed. E. Wilborq:
«hen hemas kyma kalypsato. Ei de kai therion hemas boran peprotai genesthai, heis hemas ichthys analosato, mia gaster choresato, hina kai en ichthysi koine taphomen»⁸.

Отсутствие этих слов в аналогичной сцене старшей редакции жития позволяет предположить, что автор позаимствовал их из «Левкиппа и Клитопонта»: это вполне может быть у Метафраста, широко начитанного в древнегреческой литературе.

В пользу знакомства с Ахиллом Татием говорит как будто и сцена кораблекрушения, не встречающаяся в старшей редакции.

Vit. Xenoph. et Mariae
col 1021:

«hoi nautai men, eutrepisantes ede ten epholkida, pros auten helanto».

A.T. III,3,1:

«ho kybernetes... eutrepidzei ede ten epholkida kai tois nautais embainein keleusas apobathras erchen, hoi de euthys kata podas exellonto».

Практика заимствования была широко распространена, поэтому едва ли Симеон взял для своего жития эпизод из жизни. Будь оно так, необъяснимой случайностью оказалось бы повторение (и это при богатейшей синонимике греческого языка!) в столь коротких отрывках одинакового по содержанию текста слов eutrepidzo, epholkis, hallomai и наличие в начале обеих фраз наречия ede⁹. Не следует забывать, что повторение подобного рода распространенной в быту ситуации не противоречит методу работы византийских авторов, предпочитавших, нередко даже в ущерб смыслу, изображению того, что они получили из непосредственного опыта, копирование письменных источников.

Реминисценции из Ахилла, если они были осознанными (это главным образом касается сходства сюжетов жития с повествованиями греческих erotici scriptores), направляли авторскую мысль в русло греческого романа. Этим, возможно, объясняется появление в той же сцене кораблекрушения описания, выпадающего из

обычного житийного тона. Мы имеем в виду рассказ о том, как братья вели себя в момент грозящей им смертельной опасности. Этот пассаж оставляет впечатление, будто речь идет о двух влюбленных, и стоит только заменить имя одного из братьев на женское, как получится типичный для стиля греческого романа отрывок (col. 1021): «kai allelous perilabontes, kai chersi cheiras kai podas posi simplexantes, ommasite ommata, kai stoma stomati perithentes, aspasmois te pyknois to pathos paremythounto, kai dakryon pegais allelous kateklydzon, kai ten makran hosper steressin, apodyronto».

Автор старшей версии «Vitae Xenophontis et sociorum» упоминает только о том, что братья periplexantes heautous¹⁰, так что греческий роман и в этом месте рассказа Симеона путем неосознанной ассоциации, видимо, вторгся в благочестивое житие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suida, s. v. Achilleus Statios (p. 439). H. Dörrie (Die griechischen Romane und das Christentum. — Philologus, Bd. 93, 1938) высказывает мысль, что христианизация биографии Ахилла Татия была одним из способов легитимировать его роман в Византии.

² Псевдо-Евстафий в приписываемом ему комментарии к Шестидневу наряду с корифеями христианской литературы привлекает также роман Ахилла Татия (впервые тексты сопоставлены М. Wellmann Übersehenes. — Hermes, Bd. 52, 1917, S. 125), автор жития Галактиона и Епистимы вводит в него имена главных героев «Левкиппы и Клитопонта» (A. Brinkmann. Klassische Reminiszenzen. — Rh. Mus., Bd. 60, 1905, S. 633). В дидактических целях Ахилла Татия использует Максим Исповедник (Migne PG, t. 91, Max. Conf. Loci communes), если цитаты из «Левкиппы и Клитопонта» не попали к нему через посредство Мелисса, выписки из романа встречаются также в антологиях и гномологиях у Антония Мелисса (Migne PG, t. 136), Иоанна Георгида (Migne PG, t. 117), Арсения и Апостолия (Corpus paroemiographorum Graecorum, ed. Scheidewin und Lutsch. 1851).

³ Migne PG, t. 114, col. 1014. В связи с необычной судьбой романа можно указать еще на одну деталь — экземпляр «Левкиппы и Клитопонта» завещанием его владельца был отписан церкви. См.: В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. — ЖМНП, 1907, май, стк. 227. 15.

⁴ О. М. Фрейденберг. Происхождение греческого романа. Канд. дисс. Л., 1924; K. Kerényi. Die griechisch — orientalische Romanliteratur. Tübingen, 1927.

⁵ E. Rohde. Der griechische Roman u. s. Vorläufer. Berl., 1927, 1. Aufl., 1960, 4. Aufl., S. 507, 1.

⁶ АВ, III, 1884.

⁷ АВ, XXII, 1903.

⁸ Этот пассаж засвидетельствован в рукописном предании без вариантов (если оставшиеся нам недоступными работы — D. Hagedorn u L. Koenen. Eine Handschrift d. Ach. Tatios. — Mus. Helv. 1970, S. 49—57; F. Conca. I papiri di Achille Tazio Rendocont. — Ist. Lombardo Accad. di sc. e lettere. Classe di lett. e sc. morali e storiche, v. 109. Milano, 1969, fasc. 3, p. 649—677 — не вводят нового материала), и всеми издателями дается в том виде, как мы его цитируем.

⁹ Остальные erotici scriptores, описывающие, как их герои терпят кораблекрушение, — Геллиодор, Ксенофонт и автор латинского перевода романа об Аполлонии Тирском не упоминают о спасении моряков.

¹⁰ АВ, XXII, 1903, p. 386.